

ФИЛОСОФИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 4–13

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 4–13
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-1-4-13>

EDN: BNCHOQ

Научная статья

УДК [94:316.74](470+571)+929Петр I

Мифологический образ Петра I в контексте социальной памяти: от исторического образа к мифологическому

В. Б. Устьянцев¹, С. М. Фролова², Г. В. Ясакова¹✉

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, Россия, 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 1

Устьянцев Владимир Борисович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теоретической и социальной философии, [ystvb@list.ru](mailto:ystv@list.ru), <https://orcid.org/0000-0002-6045-7577>

Фролова Светлана Михайловна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии, frolovasvetla777@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2586-1291>

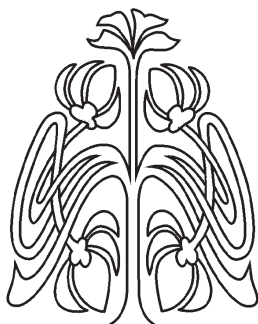
Ясакова Галина Владимировна, исследователь, заведующий кабинетом кафедры теоретической и социальной философии, gala@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4163-335X>

Аннотация. Введение. Авторами статьи предпринята попытка обозначить механизмы образования мифологического образа Петра I и закономерности этого процесса; исследованы причины и закономерности проявления взаимосвязи исторического образа Петра I и его мифологических образов, а также осуществлен анализ интерпретаций образа Петра I, определены особенности восприятия его мифологических образов. **Теоретический анализ.** В работе использовались: метод социальной философии – рефлексия, метод реконструкции, исторический и компаративистский подходы и герменевтический метод. При исследовании вопроса соотношения социальной памяти с мифологической проекцией исторического образа Петра I применялся один из основных подходов изучения социальной памяти – исследование образов прошлого, основанием для применения которого является тот факт, что память по своей сути образна. **Заключение.** Исследование причин и закономерностей проявления взаимосвязи исторического образа Петра I и его мифологических образов, а также анализ интерпретаций образа Петра I позволяет сделать вывод о воздействии мифологических образов Петра I на процесс самоидентификации народа, на корреляцию идентичности и формирование ценностной системы.

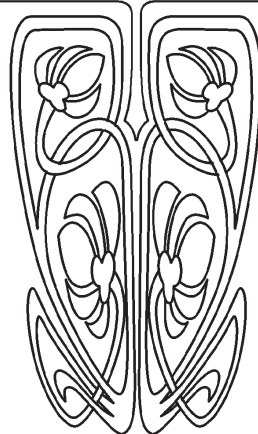
Ключевые слова: мифологический образ, Петр I, миф, социальная память, историческая память

Для цитирования: Устьянцев В. Б., Фролова С. М., Ясакова Г. В. Мифологический образ Петра I в контексте социальной памяти: от исторического образа к мифологическому // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 4–13. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-1-4-13>, EDN: BNCHOQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

The mythological image of Peter I in the context of social memory: From the historical image to the mythological one

V. B. Ustyantsev¹, S. M. Frolova², G. V. Yasakova¹✉

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia,

²Kutafin Moscow State Law University, 9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow 125993, Russia

Vladimir B. Ustyantsev, ystvb@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6045-7577>

Svetlana M. Frolova, frolovasvetla777@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2586-1291>

Galina V. Yasakova, gala@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4163-335X>

Abstract. Introduction. The authors of the article attempt to identify the mechanisms of formation of the mythological image of Peter I and the patterns of this process; the causes and patterns of manifestation of the relationship between the historical image of Peter I and his mythological images are investigated, as well as the analysis of interpretations of the image of Peter I is carried out, and the peculiarities of perception of mythological images of Peter I are determined. **Theoretical analysis.** In the work the method of social philosophy – reflection, the method of reconstruction, historical and comparative approaches and the hermeneutic method were used. When studying the issue of the correlation of social memory with the mythological projection of the historical image of Peter I, one of the main approaches to the study of social memory was applied – the study of images of the past, the basis for which is the fact that memory is inherently figurative. **Conclusion.** The study of the causes and patterns of the manifestation of the relationship between the historical image of Peter I and his mythological images, as well as the analysis of interpretations of the image of Peter I, allow us to draw conclusions about the impact of mythological images of Peter I on the process of self-identification of the people, on the correlation of identity and the formation of a value system.

Keywords: mythological image, Peter I, myth, social memory, historical memory

For citation: Ustyantsev V. B., Frolova S. M., Yasakova G. V. The mythological image of Peter I in the context of social memory: From the historical image to the mythological one. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 4–13 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-1-4-13>, EDN: BNCHOQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Анализу образов Петра I, созданных в обществе в разные периоды нашей истории, посвящено огромное количество работ представителей самых разных гуманитарных наук: историков, филологов, историков искусства, культурологов, психологов, политологов и философов. Несмотря на то, что специального исследования, в котором обращалось бы внимание на основополагающие связи между мифологическими образами Петра I сквозь призму интерпретации и формирования мифа в контексте социальной памяти, до сих пор нет, необходимо отметить, что имеется ряд исследований, в которых отечественные авторы (С. М. Соловьев [1], В. О. Ключевский [2], Е. Ф. Шмурло [3,4], С. Ф. Платонов [5], А. А. Кизеветтер [6], Н. И. Павленко [7], Е. А. Соловьев [8], М. Ю. Савельева [9] и др.) отмечали мифологизированность в восприятии образа Петра I. Свою лепту в решение данной проблемы внесли и зарубежные исследователи (А. G. Cross [10], N. V. Riasanovsky [11], M. Raeff [12] и др.). Из зарубежных работ наибольший интерес вызывает труд Н. В. Рязановского «Образ Петра Великого в русской истории и мысли», в котором, по мнению автора, эволюция

образа Петра I отражает изменения научных, культурных и политических ценностей русского общества. Работа Э. Кросса (для нас важны 3-я и 4-я главы книги, в которых автор исследует процесс формирования мифологического образа Петра I, царя-реформатора, у англичан) является значительным вкладом в преодоление противоречивости, возникшей в культурной памяти британцев между мифологическим и историческим образами Петра I.

Особый интерес представляют работы С. А. Мезина: его докторская диссертация «Петр I в русской литературе и общественной мысли XVIII века» и ряд статей, посвященных мифологическому образу Петра I [13–16].

Отношения между памятью и образом Петра I рассматривались преимущественно в общественном сознании России. Вопрос о мифологическом образе Петра I и его восприятии в российской общественной мысли и российской культуре затронут в работах Е. В. Конановой [17, 18], прежде всего в ее диссертации, в которой исследуется формирование культа Петра I в общественном сознании XVIII в. посредством произведений живописи и монументального искусства. Стоит отметить также диссертацию и статьи Т. Ю. Айдуновой [19, 20], посвященные реконструкции образа Петра I.

Большой интерес представляет вышедшая в 2022 г. коллективная монография «Образ Петра Великого в странах Восточной Азии», в которой показана эволюция и трансформация образа Петра I в четырех восточноазиатских странах (Китае, Японии, Корее и Вьетнаме), дан обстоятельный анализ особенностей интерпретаций этого образа и оценок его реформ не только в исторической, но и публицистической, художественной литературе стран Восточной Азии [21].

Следует отметить также монографию Д. С. Артамонова и С. В. Тихоновой «Петр I в медиапамяти», в которой авторы в ходе анализа известных событий и знаковых мифологем, относящихся к эпохе и образу Петра I, запечатленных в исторической памяти и попавших в цифровую среду, показали изменчивость этого образа, обладающего уникальной способностью стать конструктом любого мемориального курса [22].

Не меньшее количество работ посвящено мифологическому восприятию образа Петра I. Взять, к примеру, исследование А. Lortholary. На основе подробного анализа произведений Монтескье, Вольтера, Руссо и многих других, писавших о Петре I, французский историк утверждает, что образ Петра I, созданный в этих сочинениях, оказал непосредственное влияние на рождение мифа о герое, который способствовал рождению новой нации [23]. Следует отметить, что этот миф способствовал разрушению прежнего восприятия России как варварской страны.

Воздействие Петра I на историю России вызывает неутихающий интерес исследователей к его образу, рождению различных исторических, филологических и философских концепций мифологизации его образа. Это проявлялось не только в науке, но и в живописи, литературе и, безусловно, скульптуре.

Теоретический анализ

Исследование образа Петра I позволяет проанализировать процесс метаморфозы реальной исторической личности в мифологический образ, который является конструктом исторической памяти. Когда историческая личность становится образом художественного творения, присущая ей индивидуальность, запечатленная в исторических источниках, может подвергаться значительному преобразованию для воссоздания

целостности и выразительности образа, который приобретает поливариантность возможных интерпретаций при восприятии этого образа со стороны общества.

Миф давно является ключевой категорией в исследованиях, посвященных проблемам исторической/социальной памяти. Мифологический образ, встраиваясь в структуру мифа, является важнейшим конструктом в создании модели коллективной идентичности. Миф в данном контексте выполняет функцию механизма, благодаря которому воспроизводится коллективная идентичность сквозь призму мифологического образа, который является проекцией исторической личности.

Восприятие образа Петра I зависит не только от социокультурной самоидентификации общества, но и от представлений самой исторической личности. На протяжении трех веков эти представления всегда были связаны с системой ценностей в разные периоды истории нашей страны, в которые, как и сегодня, наше общество, переживая стадию поиска стратегии своего развития, животрепещуще нуждалось в идеологических ориентирах. В связи с этим мы имеем возможность наблюдать процесс демифологизации одних мифов о Петре I, тесно связанный с процессом мифотворчества других.

Мифологический образ Петра I, являясь конструктом различных мифов, создавался по заказу определенной прослойки общества и не являлся реконструкцией образа исторической личности Петра I.

Анализ мифологических образов Петра I, преобладающих в разные исторические эпохи, и сопоставление этих образов с личностью Петра I позволяют говорить об их высокой востребованности и социальном заказе, отражающем взгляды различных представителей социума и основанном на стремлении к преодолению мифологического восприятия Петра I, выраженного в новых и весьма ярких его образах.

Сложность мифологического образа Петра I обусловлена сочетанием в нем признаков исторической мифологии и реальности, которые, в свою очередь, отражаясь в устной или письменной репрезентации, имеют тесную связь с исторической и социальной памятью.

Основным понятием для данного исследования является мифологический образ Петра I. Попытаемся определиться с формулировкой самого понятия, которое будет использова-

но в работе. Для нас мифологический образ Петра I – это образ, возникший в результате осознанного и социально значимого отражения действительно существовавшей исторической личности и впитавший в себя элементы взглядов, символов и знаков определенного социума разных эпох.

Объективность образа, который философы рассматривают как следствие отражения «объекта в сознании человека», напрямую зависит от степени точности *отражения* объекта. Следует учитывать, что самое близкое к оригиналу отражение всего лишь его копия, которая, однажды возникнув, однако становится в той или иной степени самостоятельной по своим характеристикам, но при этом «никогда не исчерпывает всего богатства» свойств и отношений оригинала, который богаче своей копии [24, с. 446].

Отличие между историческим и мифологическим образом заключается также в интерпретации потенциального познания прошедшей и удаленной от нас эпохи. Меняясь, со временем исторический образ приобретает оттенки мифологического образа, с одной стороны, утрачивая определенную долю достоверности, с другой – насыщаясь элементами, современными каждой из последующих эпох, что позволяет ему актуализироваться в зависимости от политических и идеологических интересов общества. Образ Петра I проявляется в качестве конструкта мифологического образа, который смоделирован по заказу определенного социума, а не в качестве реконструкции исторического образа личности.

Действительно, в процессе формирования мифологического образа присутствует отклонение от соответствия исторической личности, что является основной целью реконструкции, при этом в мифологизированном образе неизбежно обрисовывается отношение общества к исторической личности в соответствии с его культурными традициями и идеологическими запросами. В связи с этим анализ мифологического образа Петра I позволяет понять особенности исторических эпох, интересов социума, имевших отношение к формированию образа, и которые нашли отражение в этом образе.

По мнению О. Б. Леонтьевой, уже в XVIII в. определились четыре образа Петра: «образ царя-героя – бесстрашного воина и полководца; образ царя-реформатора – «земного Бога», создавшего новую Россию мановением своей державной

воли; образ царя-учителя, неустанно заботившегося о просвещении своих подданных; наконец, образ царя-плотника – неустанного труженика, не чуравшегося самой «черной» физической работы ради блага своей державы» [25, с. 234].

В следующем веке эти образы продолжают быть востребованными. Так, М. В. Ломоносов рисует Петра I как в образе земного бога («ежели человека, Богу подобного, по нашему понятию, найти надобно, кроме Петра Великого не обретаю» [26, с. 610]), так и в образе героя, преодолевшего невероятное количество преград на пути своих грандиозных планов [27].

Живучесть этих образов мы находим также у А. С. Пушкина:

*«То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник.
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник»* [28, с. 337].

Созвучны этому образу и слова японского просветителя Ю. Фукудзава, приведенные в статье В. В. Щепкина: «... ни до, ни после Петра не было никого, кто сравнился бы с ним», Петр I является тем, «кого следует назвать небывалым и неповторимым мудрым правителем» (цит. по: [29]).

С. А. Мезин в одной из своих работ, посвященной эволюции образа Петра I, приходит к выводу, что «раньше создавалась галерея полярных по смыслу портретов царя, и каждый автор в конечном счете высказывался «за» или «против» Петра, сегодня крайности часто сходятся в одном сложном портрете» [30, с. 112].

По мнению Э. Кросса, образ Петра I «никогда полностью не терял своих обожателей» [10, р. 111], при этом следует добавить, что созданный при его жизни, этот образ обнаруживает в себе неразрывную связь реального и мифологического образов, что можно наблюдать и сегодня.

Авторы статьи «Образ Петра I в современном историографическом и общественном дискурсе» В. Э. Багдасарян, С. И. Реснянский представляют в своем исследовании восемь моделей интерпретаций исторического образа Петра I, обозначив зависимость подходов к восприятию Петра I от историографического дискурса и актуальных политических трансформаций [31].

Очевидно, что появление образа Петра I является мифологической закономерностью. Как же соотносится историческая память с

мифологической проекцией исторического образа Петра I? Начнем с того, что вопрос о понятии исторической памяти и ее взаимосвязи с мифологическим образом как конструктом мифа до сих пор остается дискуссионным. Довольно часто в исследованиях, посвященных исторической памяти, миф рассматривается как часть исторической памяти. Принимая это утверждение за основу, можно соответственно рассматривать мифологический образ неотъемлемой частью исторической памяти. Но как исторический образ становится мифологическим? Как протекает процесс мифологизации?

С точки зрения А. Г. Иванова, «мифологизация – это процесс наделения мифологической образностью и символикой аспектов действительности (социальной, художественной) любого модуса времени, осуществляемый как отдельным индивидом, так и социальными группами, обществом в целом, состоящий из нескольких стадий и способный оказывать влияние на развитие человека и общества» [32, с. 27–28]. Применимо к нашей теме мифологизация – это процесс генерации художественного образа Петра I на основе его исторического образа.

Исходя из того, что социальная память включает в себя процесс конструирования как реального, так и воображаемого прошлого, можно утверждать, что мифологический образ – это тоже память, представляющая собой культурную конструкцию, имеющая социальное значение для общества, что дает ей относительную устойчивость. Следует также обратить внимание на избирательность исторической памяти, что обусловлено, прежде всего, значимостью исторического опыта для современности. В связи с этим происходит персонификация исторической памяти, когда восприятие событий в истории страны формируется через оценочное суждение деятельности конкретной исторической личности. Ярким примером служат образ Петра I и образ России. Нельзя забывать, что мифологический образ Петра I является одним из важнейших структурных элементов образа России на протяжении последних трех веков. Следует отметить, что на создание и формирование этого образа сильное влияние оказали стереотипы, формировавшиеся веками, а также предвзятость со стороны иностранных авторов. Например, формирование образа Петра I в Японии, по мнению В. В. Щепкина, находясь «под влиянием осознания властной и интеллекту-

альной элитой страны своего международного положения, особенно в конце XVIII – первой половине XIX века», тесно связано с развитием российско-японских отношений [33, с.121].

Социальность мифологического образа (в конкретном случае образа Петра I) выражена в символическом представлении исторической личности. И хотя восприятие мифологического образа Петра I зависит от причудливого переплетения научных знаний, системы оценок, принятых в обществе, именно оно придает яркость и избирательность исторической памяти, которая иногда рассматривается сквозь призму социальной памяти, во многом обуславливая идеологические и поведенческие модели общества. В любом обществе возникает потребность конструирования так называемого воображаемого прошлого для своего настоящего. А угроза разрушения памяти вынуждает создавать/организовывать «места памяти», которые являются в образах, ведь, по сути своей, как верно подчеркнула Л. Н. Мазур, «память оперирует преимущественно образами» отношений [34, с. 251]. И многие исследователи применяют понятие «образ прошлого», нежели «места исторической памяти».

Не стоит забывать о наличии в информационном пространстве самых разнообразных, а порой и противоречивых интерпретаций истории, отражение которых сохраняет социальная память, которая, в свою очередь, хранит в себе проекции исторических образов. В контексте рассматриваемой проблемы К. Б. Соколов трактует социальную память как «совокупность социокультурных средств и институтов, осуществляющих отбор и преобразование актуальной социальной информации в информацию о прошлом (ретроспективную) в целях сохранения накопленного общественного опыта и передачи его от поколения к поколению» [35, с. 58], а историческую память – как «набор передаваемых из поколения в поколение исторических сообщений, мифов, субъективно преломленных рефлексий о событиях прошлого» [35, с. 58].

По справедливому замечанию П. Нора, «память порождается той социальной группой, которую она сплавливает», закономерно приходя к выводу, что «существует столько же памятей, сколько и социальных групп» [36, с. 20]. Когда же обществу угрожает потеря ориентиров идентичности, неизбежно и вполне закономерно возрастает интерес к про-

блеме исторической памяти, само определение которой до сих пор остается проблемным. Да и проявление интереса к ней не означает возвращение ориентиров прошлого.

Следует отметить, что тональность мифологического образа Петра I тесно связана с образом России и напрямую зависит от интересов определенных групп общества, которые могут использовать этот образ в качестве важного инструмента для конструирования образов желаемого прошлого или так называемого альтернативного прошлого. К тому же образ Петра I стал еще и символом возросшей мощи России при нем: военные победы, расширение границ страны, статус империи.

Мифологический образ Петра I принадлежит к числу таких образов, которые способны оказывать гораздо большее влияние на сознание, чем исторические образы. Возникает вопрос: чем же объясняется живучесть негативного мифологического образа Петра I. Ведь те, в чьей среде родился и формировался этот образ, остались в далеком прошлом. Однако и сегодня этот образ по-прежнему оказывается востребованным. Его активно используют в контексте мифов о Петре в качестве основного механизма для манипулирования сознанием общества. Подобное использование требует некоторой модификации мифов и корреляции образа под нужды и интересы заказчика. Не случайно на протяжении трех столетий негативный образ был востребован ради создания мифов о «русской угрозе». Усиление «варварской» державы при Петре I, а также его внешнюю политику Британское королевство восприняло с большим опасением. Ярким доказательством этого можно считать один из памфлетов, вышедший в 1716 г. в Лондоне – «Северный кризис, или Беспристрастные суждения о политике царя», приведенный затем К. Марксом во 2-й главе «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» [37]. Лейтмотивом всего текста памфлета является страх перед образом русского царя.

Европейские страны, вступая в очередной конфликт с Россией, каждый раз обращались к негативному образу Петра I, интегрируя его в очередной миф, как это было с пресловутым «завещанием», которое многократно использовали для развенчания так называемых «завоевательных планов» России. Впервые его использовали французы во времена Наполеона, затем о нем вспоминали как во время Крымской

(1853–1856) и русско-турецкой (1878–1879) войн, так и во время Первой мировой и Великой Отечественной войн. Следует добавить, что не только европейцы прибегали к подобному приему. Так, в 1900 г. накануне русско-японской войны в Японии вышла книга Сато Нобуясу, посвященная биографии Петра I, в последней главе которой было приведено это так называемое «завещание». Как предполагает В. В. Щепкин, один из авторов коллективной монографии «Образ Петра Великого в странах Восточной Азии», для перевода использовался «наиболее распространенный полный французский текст Ф. Гайярде 1836 г.». Стоит упомянуть о неточности, появившейся в этом первом переводе на японский язык: вместо фразы «восстановить древнюю левантийскую торговлю через Сирию» появилась фраза «восстановить древнюю кяхтинскую торговлю через Сибирь», что позже позволило «использовать “Завещание” для антироссийской пропаганды и в Восточной Азии» [21, с. 254].

К подобным искусственно созданным моделям интерпретации «образов прошлого» относятся и негативные мифологические образы Петра I. Это примеры того, как результаты исследований и «псевдоисследований» по проблемам исторической памяти может использоваться в политико-идеологических дискуссиях. Ни один правитель нашей истории не привлекал столь пристального внимания со стороны зарубежных исследователей и СМИ.

Стоит отметить, что не только негативный образ Петра I используется зарубежными политтехнологами, но и позитивный мифологический образ Петра I можно превратить в инструмент деструктивных манипулятивных технологий. Так, с 2014 г. можно наблюдать стремительный рост количества публикаций в зарубежных СМИ, в которых авторы проводят параллели между достижениями Петра I и деятельностью политиков современной России, хотя, как следует из рассекреченных британских архивов, на Западе еще в начале 2000-х гг. сравнивали президента России Владимира Путина с Петром I в плане государственного реформирования. Среди авторов подобного рода публикаций можно назвать бывшего главу МИД Британии У. Хейга [38], бывшего американского посла в России М. Макфола [39], немецкого журналиста П. Диттмара [40]. Объединяет такие публикации одно: используя механизм демифоло-

гизации, авторы статей пытаются разрушить позитивный образ действующего политика с помощью аргументов его несоответствия мифологическому образу Петра I (национального героя прошлого).

Как справедливо отмечает Т. В. Беспалова, «в современных “войнах памяти” уничтожение памяти противника о его великих победах и героях становится одним из основных условий достижения поставленной цели, так как приводит к исчезновению ее носителя, даже без военного вмешательства» [41, с. 8].

Восприятие мифологических образов Петра I – это прежде всего восприятие самих себя, в данном контексте образ Петра I выступает в некотором роде зеркалом, в котором отражается не столько образ исторической личности, сколько общество сквозь призму отношения к мифологическому образу царя, а через него и к России. Соответственно, восприятие мифологических образов Петра I тесно связано с идентичностью народа. П. Нора, рассуждая об истории и памяти, считал, что «это можно было бы назвать памятью-зеркалом, если бы зеркала отражали не наш собственный образ, а нечто другое, потому что то, что мы стремимся обнаружить, – это отличие, а в облике этого отличия – внезапный отблеск неуловимой идентичности» [36, с. 37–38].

Заключение

Насаждение негативного мифологического образа выдающихся исторических личностей способствует утрате гордости историей своей страны и ведет к так называемой «коррозии» менталитета в интересах определенного социального заказа, а это, в свою очередь, может привести к деформации исторической памяти, а также утрате своей идентичности и созданию иной ценностной системы, навязанной извне.

Можно с уверенностью сказать, что использование мифологических образов, таких как Петр I, демонстрирует эффективное воздействие на корреляцию самоидентификации народа, что позволяет конструировать не только исторические образы, тесно связанные с исторической памятью, но и само прошлое, создавая тем самым отражение самих себя в окружающей действительности. И это отражение зависит от изменений в системе ценностей и идей социума, а также идеологических заказов.

Список литературы

1. Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом // Соловьев С. М. Сочинения : в 18 кн. М. : Мысль, 1995. Кн. 18. С. 6–152.
2. Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Сочинения : в 8 т. М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1958. Т. 4. 426 с.
3. Шмурло Е. Ф. Петр Великий в русской литературе (опыт историко-библиографического обзора). СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1889. 143 с.
4. Шмурло Е. Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб. : Изд-во «Сенатская типография», 1912. 286 с.
5. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М. : Высшая школа, 1993. 736 с.
6. Кизеветтер А. А. Реформа русского общества в сознании русского общества // Русское богатство. 1896. № 10. С. 20–46.
7. Павленко Н. И. Петр Первый. 2-е изд., испр. М. : Молодая гвардия, 1976. 384 с.
8. Соловьев Е. А. Петр Первый: Метаморфозы образа (конец XVIII – начало XX века). М. : Российский ун-т дружбы народов, 2009. 285 с.
9. Савельева М. Ю. Ломоносов. Миф как основание мышления. М. : Канон+, 2014. 355 с.
10. Cross A. G. Peter the Great through British eyes: Perceptions and Representations of the Tsar since 1698. Cambridge University Press, 2000. 172 p.
11. Riasanovsky N. V. The image of Peter the Great in Russian history and thought. New York ; Oxford : Oxford University Press, 1985. 331 p.
12. Raeff M. Peter the Great Changes Russia. 2nd ed. Lexington, Massachusetts ; Toronto, 1972. 199 p.
13. Мезин С. А. Петр I в русской литературе и общественной мысли XVIII века : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1984. 279 с.
14. Мезин С. А. «История Петра Великого» Феофана Прокоповича // Русская литература. 2000. № 2. С. 158–166.
15. Мезин С. А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. 212 с.
16. Мезин С. А. Петр I и его эпоха глазами историков // Историографический сборник. Саратов : Саратовский источник, 2020. С. 86–132.
17. Конанова Е. В. Петр I в русском общественном сознании XVIII – первой половине XIX в.: конструирование и деконструкция мифологического образа : дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 236 с.
18. Конанова Е. В. Мифологический образ Петра I в произведениях живописи и монументального искусства XVIII века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2013. № 4. С. 30–34.
19. Айдунова Т. Ю. Петр I в русской общественно-политической мысли середины XIX – начала XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2019. 213 с.

20. Айдунова Т. Ю. Трансформация образа Петра I в исторических представлениях российских монархов XVIII–XIX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 3. С. 17–22. <https://doi.org/10.37494/2409-1030-2018-3-17-22>
21. Андреева Е. Г., Гурьева А. А., Ланькова Е. В., Маяцкий Д. И., Самойлов Н. А., Харитонова А. М., Щепкин В. В. Образ Петра Великого в странах Восточной Азии / под ред. Н. А. Самойлова. М. : Вест Мир, 2022. 432 с.
22. Артамонов Д. С., Тихонова С. В. Петр I в медиасфере. Саратов : Саратовский источник, 2022. 180 с.
23. Lortholary A. Les «Philosophes» du XVIII siècle et la Russie. Le mirage Russe en France au XVIII siècle. Paris : Éd. contemporaines, 1951. 411 p.
24. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, ред. : П. Н. Федосеева, С. М. Ковалёва, В. Г. Панова. М. : Советская энциклопедия, 1983. 839 с.
25. Леонтьева О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара : ООО «Книга», 2011. 448 с.
26. Ломоносов М. В. Слово похвальное блаженным памяти Государю Императору, Петру Великому, говоренное апреля 26 дня 1755 года // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. С. 610–611.
27. Ломоносов М. В. Петр Великий, героическая поэма // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. С. 696–734.
28. Пушкин А. С. Стансы // Пушкин А. С. Соч. : в 3 т. М. : Художественная литература, 1985. Т. 1. 736 с.
29. Щепкин В. В. Образ Петра I в Японии периода Мэйдзи // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 4. С. 80–89. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2022.770>
30. Мезин С. А. Петр I. Эволюция образа (конец XVII – начало XXI вв.) // Историческое прошлое и образы истории. Саратов : Саратовский источник, 2019. С. 102–112.
31. Багдасарян В. Э., Реснянский С. И. Образ Петра I в современном историографическом и общественном дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21, № 3. С. 351–362. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-351-362>
32. Иванов А. Г. Мифологизированное прошлое как часть исторической памяти // Tempus et Memoria. 2020. Т. 1, № 1–2. С. 25–30.
33. Щепкин В. В. Первые сведения о Петре I и формирование его образа в Японии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 4. С. 115–122. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2020.490>
34. Мазур Л. Н. Событие в исторической памяти: механизмы формирования, сохранения и трансформации // Память, история, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики. М. : Аквилон, 2016. С. 251–255.
35. Соколов К. Б. Искусство, социальная память и ее мифологизация // Вестник культуры и искусств. 2018. № 4 (56). С. 58–65.
36. Нора П. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–52.
37. Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. 1989. № 1-2. С. 12–43.
38. Хейг У. Путин – прямая противоположность Петру Великому // The Times. ИНОСМИ. 26 июня 2023. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/putin-is-the-very-opposite-of-peter-the-great-znqx7qkn7> (дата обращения: 18.06.2024).
39. Макфол М. Путин Великий (но не очень) // Politico. ИНОСМИ. 5 августа 2014. URL: <http://inosmi.ru/russia/20140805/222164673.htm> (дата обращения: 18.06.2024).
40. Диттмар П. Петр I: царь, собственноручно обезглавливавший своих врагов // Die Welt. ИНОСМИ. 5 августа 2013. URL: <http://inosmi.ru/russia/20130805/211599672.htm> (дата обращения: 18.06.2024).
41. Беспалова Т. В. Патриотизм, идентичность, память: трансформация смыслов в эпоху роковых событий // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2023. № 1. С. 4–9. <http://dx.doi.org/10.17805/trudy.2023.1.1>

References

1. Solov'ev S. M. Public readings about Peter the Great. Solov'ev S. M. *Sochineniya: v 18 kn.* [Works: in 18 books]. Moscow, Mysl', 1995, book 18, pp. 6–152 (in Russian).
2. Klyuchevskiy V. O. Russian History Course. In: Klyuchevskiy V. O. *Sochineniya: v 8 t.* [Works: in 8 vols.]. Moscow, Izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury, 1958, vol. 4. 426 p. (in Russian).
3. Shmurlo E. F. *Petr Velikiy v russkoy literature (opyt istoriko-bibliograficheskogo obzora)* [Peter the Great in Russian literature (experience of historical and bibliographical review)]. St. Petersburg, tip. V. S. Balasheva, 1889. 143 p. (in Russian).
4. Shmurlo E. F. *Petr Velikiy v otsenke sovremennikov i potomstva* [Peter the Great in the estimation of contemporaries and posterity]. St. Petersburg, Izd-vo "Senatskaya tipografiya", 1912. 286 p. (in Russian).
5. Platonov S. F. *Lektsii po russkoy istorii* [Lectures on Russian history]. Moscow, Vysshaya shkola, 1993. 736 p. (in Russian).
6. Kizevetter A. A. Reform of Russian society in the consciousness of Russian society. *Russkoe bogatstvo* [Russian Wealth], 1896, no. 10, pp. 20–46 (in Russian).

7. Pavlenko N. I. *Petr Pervyy*. 2-e izd., ispr. [Peter the Great. 2nd ed.]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1976. 384 p. (in Russian).
8. Solov'ev E. A. *Petr Pervyy: Metamorfozy obraza (konets XVIII – nachalo XX veka)* [Peter the Great: Metamorphoses of the Image (late 18th – early 20th centuries)]. Moscow, Rossiyskiy un-t druzhby narodov Publ., 2009. 285 p. (in Russian).
9. Savel'eva M. Yu. *Lomonosov. Mif kak osnovanie myshleniya* [Lomonosov. Myth as the basis of thinking]. Moscow, Kanon+, 2014. 355 p. (in Russian).
10. Cross A. G. *Peter the Great through British eyes: Perceptions and Representations of the Tsar since 1698*. Cambridge University Press, 2000. 172 p.
11. Riasanovsky N. V. *The image of Peter the Great in Russian history and thought*. New York, Oxford, Oxford University Press, 1985. 331 p.
12. Raeff M. *Peter the Great Changes Russia*. 2nd ed. Lexington, Massachusetts, Toronto, 1972. 199 p.
13. Mezin S. A. *Petr I v russkoy literature i obshchestvennoy mysli XVIII veka*. [Peter the Great in Russian literature and public thought of the 18th century]. Diss. Cand. Sci. (Hist.). Saratov, 1984. 279 p. (in Russian).
14. Mezin S. A. "The History of Peter the Great" by Feofan Prokopovich. *Russkaya literatura* [Russian Literatura], 2000, no. 2, pp. 158–166 (in Russian).
15. Mezin S. A. *Vzglyad iz Evropy: frantsuzskie avtory XVIII veka o Petre I* [A View from Europe: 18th Century French Authors on Peter I]. Saratov, Saratov State University Publ., 2003. 212 p. (in Russian).
16. Mezin S. A. Peter I and his era through the eyes of historians. *Istoriograficheskiy sbornik* [Mezin S. A., ed. Historiographic collection]. Saratov, Saratovskiy istochnik Publ., 2020, pp. 86–132 (in Russian).
17. Konanova E. V. *Petr I v russkom obshchestvennom soznanii XVIII – pervoy polovine XIX v.: konstruirovaniye i dekonstruktsiya mifologicheskogo obraza* [Peter I in the Russian public consciousness of the 18th – first half of the 19th century: Construction and deconstruction of the mythological image]. Diss. Cand. Sci. (Hist.). Moscow, 2008. 236 p. (in Russian).
18. Konanova E. V. Mythological image of Peter the Great in the works of painting and monumental art of the XVIII century. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki* [Bulletin of Higher Education Institutes North Caucasus Region. Social Sciences], 2013, no. 4, pp. 30–34 (in Russian).
19. Aydunova T. Yu. *Petr I v russkoy obshchestvenno-politicheskoy mysli serediny XIX – nachala XX vv.* [Peter the Great in Russian socio-political thought of the mid-19th – early 20th century]. Diss. Cand. Sci. (Hist.). Rostov-on-Don, 2019. 213 p. (in Russian).
20. Aydunova T. Yu. Image transformation of Peter the First in historical views of Russian emperors during XVIII–XIX century. *Humanities and Law Research*, 2018, no. 3, pp. 17–22 (in Russian). <https://doi.org/10.37494/2409-1030-2018-3-17-22>
21. Andreeva E. G., Guryeva A. A., Lankova E. V., Mayatskiy D. I., Samoylov N. A., Kharitonova A. M., Shchepkin V. V. *Obraz Petra Velikogo v stranakh Vostochnoy Azii. Pod red. N. A. Samoylova* [Samoylov N. A., ed. The image of Peter the Great in East Asian countries]. Moscow, Ves' Mir, 2022. 432 p. (in Russian).
22. Artamonov D. S., Tichonova S. V. *Petr I v mediapamyati* [Peter the Great in media memory]. Saratov, Saratovskiy istochnik, 2022. 180 p. (in Russian).
23. Lortholary A. *Les «Philosophes» du XVIII siècle et la Russie. Le mirage Russe en France au XVIII siècle*. Paris, Éd. contemporaines, 1951. 411 p.
24. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Il'ichev L. F. (chief ed.), Fedoseeva P. N., Kovaleva S. M., Panova V. G. (eds.). Philosophical Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1983. 839 p. (in Russian).
25. Leont'eva O. B. *Istoricheskaya pamjat' i obrazy proshlogo v rossiyskoy kul'ture XIX – nachala XX vv.* [Historical memory and images of the past in Russian culture of the 19th – early 20th centuries]. Samara, OOO "Kniga" Publ., 2011. 448 p. (in Russian).
26. Lomonosov M. V. A word of praise of blessed memory to the Emperor Peter the Great, spoken on 26 April 1755. In: Lomonosov M. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 11 t. T. 8: Poeziya, oratorskaya proza, nadpisi* [Complete works: in 11 vols. Vol. 8: Poetry, oratory prose, inscriptions, 1732–1764]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1959, pp. 610–611 (in Russian).
27. Lomonosov M. V. Peter the Great, a heroic poem. In: Lomonosov M. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 11 t. T. 8: Poeziya, oratorskaya proza, nadpisi* [Complete works: in 11 vols. Vol. 8: Poetry, oratory prose, inscriptions, 1732–1764]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1959, pp. 696–734 (in Russian).
28. Pushkin A. S. Stanzas. In: *Pushkin A. S. Soch.: v 3 t. T. 1* [Works: in 3 vols. Vol. 1]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1985. 736 p. (in Russian).
29. Shchepkin V. V. The image of Peter the Great in Meiji Japan. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2022, vol. 44, no. 4, pp. 80–89 (in Russian). <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2022.770>
30. Mezin S. A. *Petr I. Evolyutsiya obraza (konets XVII – nachalo XXI vv.)* [Peter I. Evolution of the image (late XVII – early XXI centuries)]. In: *Istoricheskoe proshloe i obrazy istorii* [Danilov V. N., Chernova L. N., eds. Historical past and the images of history]. Saratov, Saratovskiy istochnik, 2019, pp. 102–112 (in Russian).
31. Bagdasaryan V. E., Resnyanskiy S. I. Image of Peter I in modern historiographical and public discourse. *RUDN Journal of Russian History*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 351–362. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-351-362>
32. Ivanov A. G. Mythologized past as part of historical memory. *Tempus et Memoria*, 2020, vol. 1, no. 1–2, pp. 25–30 (in Russian).

33. Shchepkin V. V. Early information about Peter I and shaping of his image in Japan. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2020, vol. 42, no. 4, pp. 115–122 (in Russian). <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2020.490>
34. Mazur L. N. An event in historical memory: Mechanisms of formation, preservation and transformation. In: *Pamyat', istoriya, identichnost: teoreticheskie osnovaniya i issledovatel'skie praktiki* [Vorobyeva O. V., ed. Memory, History, Identity: Theoretical Foundations and Research Practices]. Moscow, Akvilon, 2016, pp. 251–255 (in Russian).
35. Sokolov K. B. Art, social memory and its mythologization. *Vestnik kul'tury i iskusstv* [Culture and Arts Herald], 2018, no. 4 (56), pp. 58–65 (in Russian).
36. Nora P. Les Lieux de Mémoire. In: Nora P., Ozuf M., de Pyuimezh Zh., Vinok M. *Frantsiya-pamyat'* [France-Memory]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 1999, pp. 17–52 (in Russian).
37. Marks K. Disclosures of the diplomatic history of the XVIII century. *Voprosy istorii* [Voprosy Istorii], 1989, no. 1–2, pp. 12–43 (in Russian).
38. Hejg U. Putin is the very opposite of Peter the Great. *The Times. INOSMI*. June 26, 2023. Available at: <https://www.thetimes.co.uk/article/putin-is-the-very-opposite-of-peter-the-great-znqx7qkn7> (accessed June 18, 2024).
39. Mcfaul M. Putin the (Not So) Great. *Politico. INOSMI*. August 5, 2014. Available at: <http://inosmi.ru/russia/20140805/222164673.htm> (accessed June 18, 2024).
40. Dittmar P. Peter the Great: The king, who beheaded the enemies by his own. *Die Welt. INOSMI*. August 5, 2013. Available at: <http://inosmi.ru/russia/20130805/211599672.htm> (accessed June 18, 2024).
41. Bespalova T. V. Patriotism, identity, memory: Transformation of meanings in the era of fatal events. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*, 2023, no. 1, pp. 4–9 (in Russian). <http://dx.doi.org/10.17805/trudy.2023.1.1>

Поступила в редакцию 28.06.2024; одобрена после рецензирования 02.09.2024;
принята к публикации 16.01.2025; опубликована 31.03.2025
The article was submitted 28.06.2024; approved after reviewing 02.09.2024;
accepted for publication 16.01.2025; published 31.03.2025